

В составленную В. Н. Златарским таблицу известных нам наместников — правителей Болгарии⁷⁶ следует включить и Константина Пафлагона. Заметим кстати, что опубликованные Г. Шлюмберже и Н. А. Мушмовым печати Константина, вестарха и проноита всей Болгарии, могли принадлежать как Константину Диогену (как полагали Г. Шлюмберже и В. Н. Златарский), так и Константину Пафлагону. Этот вопрос, впрочем, нуждается в дальнейшем изучении.

Все сказанное выше дает нам право сделать некоторые выводы и о другом брате — Никите Пафлагоне. Как уже было указано, по данным греческих авторов, Никита Пафлагон стал дукой Антиохии, в интересующее же нас время термины „дука“ и „проноит“ были по существу равнозначны. Принимая это во внимание, соответствующее место из Аристакеса Ластивертци следует переводить: „... другого брата назначил domestиком, отправил в Антиохию Великую и поручил пронию Тачкастана и южной стороны“.

Продолжая комментировать слово *ῥονιτ* = прония, мы сталкиваемся в том же отрывке из „Повествования“ и с несколько иным оттенком этого термина. Как было сказано выше, Иоанну Орфанотрофу были вверены „попечение“ и правовые документы дворца. В современных греческих памятниках встречаются проноиты — управляющие крупными хозяйственными единицами. Так, в хрисовуле Алексея I Комнина от 1092 г. (или 1107 г.) упомянуты управляющие именьями брата Алексея, севастократора Исаака Комнина — *οἱ προνοῖται τῶν κτημάτων*⁷⁷. Но непосредственную аналогию нашему контексту мы находим у Скилицы. Рассказывая о посвящении в патриархи Константина Лихуда, автор припоминает, что при императоре Константине Мономахе будущий патриарх был „хранителем пронии Манган и документов“ (*τῆς τῶν Μαγγάνων προνοίας καὶ τῶν δικαιωμάτων φύλαξ*)⁷⁸.

Это место из Скилицы толковалось различным образом. Н. А. Скабаланович полагал, что здесь „прония“ впервые употребляется „в смысле недвижимых имуществ, отданных в дар императорами или от императорского имени их министрами“⁷⁹. П. Мутафчиев тоже признавал эту фразу первым упоминанием о пронии и использовал ее для подтверждения своего понимания этого института⁸⁰. Комментируя это место, Г. Острогорский пишет, что на первый взгляд кажется, будто речь идет просто о „попечении“; на самом же деле Манганы были не только доверены попечению Лихуда, но ему было уступлено *владение* этим богатым доменом⁸¹. Однако и при таком толковании, продолжает автор, неясно, идет ли речь о монастыре Георгия или об *οἶκος βασιλικός*. Весьма интересную и оригинальную точку зрения высказал А. П. Каждан. Если толковать пронию Манган как поместье, пишет он, то неясно, о каких документах идет речь. Непонятно также, каким образом могла быть установлена прония на Манганы, ибо Манганы — один из крупнейших константинопольских монастырей-дворцов. По мнению А. П. Каждана, эти затруднения устраняются, если признать что Скилица, говоря о пронии

⁷⁶ См. стр. 534 второго тома „Истории...“, см. также N. Bănescu. Unbekannte Stadthalter der Themen Paristrion und Bulgarien. — BZ, 30, 1929—1930, S. 443—444.

⁷⁷ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. Textband, S. 55, № 14.14.

⁷⁸ Scyl., p. 645.1—2; см. также Zonaras, p. 670.7—9: ὡς περὶ ὁ Μονομάχος καὶ τὴν τῶν Μαγγάνων ἀνάθετο προνοίαν καὶ τὰ περὶ τῆς ἐλευθερίας αὐτῶν ἐνεπίστευσεν ἔγγραφα.

⁷⁹ Н. Скабаланович. Ук. соч., стр. 264.

⁸⁰ П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през VIII—XIV в. — „Списание на Българската Академия на науките“, кн. XXVII, 1923, стр. 42.

⁸¹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 21.